

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.3

EDN: ZQWFJI

Визуальные репрезентации заброшенных индустриальных пространств в фотографиях туристов

Ссылка для цитирования:

Сергеева О. В., Недосека Е. В. Визуальные репрезентации заброшенных индустриальных пространств в фотографиях туристов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 3. С. 49–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.3> EDN: ZQWFJI

For citation:

Sergeeva O.V., Nedoseka E.V. (2024) Visual Representations of Abandoned Industrial Spaces in Tourist Photos. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 3. P. 49–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.3.3>

Сергеева Ольга Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный университет;
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ
РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: o.v.sergeeva@spbu.ru

Недосека Елена Владимировна

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ
РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: nedelena@socinst.ru

Несколько десятилетий назад увлеченный исследователь, ищущий информацию о руинах современности — структурных последствиях быстрых экономических изменений, — нашел бы относительно мало материалов для работы. Но сегодня тот же поиск выявляет необычайное усиление академического и общественного интереса к руинам недавнего прошлого и связанным с ними заброшенным пространствам. Авторы статьи включаются в дискуссию и исследуют образы деиндустриализации, которые создаются и распространяются в онлайн-сообществах туристов-энтузиастов, путешествующих

по заброшенным местам, или, как их иногда называют, городских разведчиков. Цель работы — понять, как посредством любительских фотографий воспроизводится народная политика взгляда на переставшую использоваться индустриальную инфраструктуру. Народная политика взгляда представляет собой означивание и наделение смыслом заброшенных руинизированных пространств при внесении их в кадр и последующей публикации фотографий в социальных медиа. Авторы опираются на идеи архитектора и историка И. де Сола-Моралеса, называющего оставленные людьми пространства «неопределенными» (*terrain vague*). Фотоизображения неопределенных пространств играют важную роль в присвоении им значения. Чтобы понять, какие значения формируют народную политику взгляда, авторы используют неттографический метод погружения в онлайн-сообщества путешественников во «ВКонтакте» и Telegram и фиксируют повторяющиеся иконографические элементы «заброшки». Деиндустриализация на фотографиях определяется через утрату человека, о котором свидетельствуют следы — вещи и тексты прошлого. Человек замещается природой, становящейся новым агентом опустевшего пространства. Авторы обсуждают общность образов, которые воспроизводят фотографы-любители, и медийных клише из популярного кино и видеоигр. Фотографии представляют собой способ объяснения пространства и пространственного опыта. Но кроме того, как любое другое произведение, фотография передает не только и не столько фактические характеристики изображаемых объектов, благодаря которым мы можем сложить представление о них (в данном случае — о пространствах), но также аффекты, переживания. Так, фотография становится средством, с помощью которого мы формируем ценностные суждения об увиденных местах.

Ключевые слова: деиндустриализация; руины; неопределенное пространство; индустриальный туризм; репрезентация; визуальные клише; фотография; иконография

Введение

Пустующие заводские здания, оставленные складские территории и автостоянки есть в разных странах мира. Зачастую они называются «ржавыми поясами» по аналогии с бывшими промышленными территориями США, переживающими социально-экономический спад. Эти кейсы вызывают интерес не только у экономистов, политиков и планировщиков среды, но и философов, аналитиков культуры, современных художников и дизайнеров, работающих с ландшафтами запустения. Более того, существует несовпадение дискурсов о заброшенных, руинизированных местах в традиционном городском планировании и в гуманитарно-художественных текстах. Управленцы воспринимают такие места как проблему, в центре их внимания — рост неблагополучия и угроза для жителей из-за ассоциаций девиации и маргинальности, которые вызывают нежилые здания. Следовательно, управленческий дискурс

ориентируется на инициативы преобразования, борьбу с вероятной антиобщественной деятельностью и возвращение этим местам качества позитивных ресурсов.

Наряду с управленческими, интервенционистскими аргументами растет количество работ, стремящихся подчеркнуть творческую функциональность и философскую ценность руинизированных пространств. Многие ученые, работающие в этой области, стратегически используют разрушение и заброшенность, чтобы критиковать то, что они считают ограничительными механизмами, которыми регулируется современная городская среда. Испанский архитектор и историк И. де Сола-Моралес полагает, что оставленная людьми «неопределенная местность» (*terrain vague*) — это пространство, в котором отсутствие формального использования может создать ощущение возможностей и свободы [Sola Morales, 1995: 119]. «Скелеты» руин обнажают напластования различных культурных слоев, давая идеи городскому ландшафтному планированию и дизайну. Они визуализируют диалектику производства и потребления (и разрушения) чрезмерно запрограммированной городской среды.

Вместе с тем разрушенная форма представляет собой один из самых устойчивых репрезентативных приемов в мировой художественной традиции. Современные образы руин неизбежно находятся под влиянием шаблонов их видения и изображения. Поэтика руин преимущественно основана на их аллегорических возможностях сообщать о быстротечности времени, вызывать меланхолию, ностальгию, трепет ужаса или воодушевление героикой прошлого. Хотя начиная с XVIII века культ руин волнами сопровождал западную современность, на рубеже третьего тысячелетия, по мнению исследователя культурной памяти А. Гюйсена, развилась странная одержимость руинами как часть гораздо более широкого дискурса и эстетического освоения темы социальных травм [Huysen, 2006: 7].

Пейзажная фотография, посвященная упадку и разрушению когда-то освоенных пространств, приходит на выставки, становится объектом рассматривания, а затем и превращается в моду ближе к началу XXI века. Одним из поворотных моментов считают выставку 1975 года «Новая топография: фотографии ландшафта, измененного человеком», которая прошла в музее фотографии Дж. Истмана в Рочестере, штат Нью-Йорк. Художественные проекты пейзажного направления выдвигают на первый план, а не стирают человеческое воздействие, тем самым фотографии постулируют ответственность людей за будущее ландшафта, что перекликается с социальной критикой. Профессиональное фотоизображение деиндустриальных пространств отражено в работах ряда фотографов: Э. Буртинского [Burtynsky, 2005], Т. Лэма [Lam, 2013], К. Х. Вегары [Vergara, 1999].

Однако наряду с профессионально создаваемыми образами индустриальных руин в нашем мире распределенного знания и цифровой фотографии присутствует народная практика визуальной репрезентации брошенных мест. Циркулируя онлайн, эти фотографии зачастую собирают в социальных сетях сообщества тех, кто занимается посещением разрушающихся, оставленных объектов, или они просто становятся темой подборок на сайтах, посвященных

фотографии. Цель статьи — реконструировать народную политику взгляда на переставшую использоваться индустриальную инфраструктуру, отраженную в фотографиях туристов-энтузиастов или городских разведчиков, интересующихся «заброшками» [Garrett, 2010]. Согласно нашему определению, народная политика взгляда — это означивание и наделение смыслом заброшенных и руинизированных мест туристами-энтузиастами или городскими разведчиками посредством их внесения в фотокадр. Сегодня народная политика взгляда осуществляется благодаря возможностям Интернета. В нашем исследовании мы фиксируем сюжеты и иконографию «заброшки», чтобы реконструировать направленность народной политики взгляда, посредством которой продвигаются опасения, ностальгия, критика, разочарование и другие представления и эмоции. Мы также можем проследить тенденции конвергентной культуры в использовании непрофессионалами визуальных шаблонов популярных медийных образов руин из фильмов-катастроф и видеоигр.

Эмпирическим материалом для анализа стали открытые для публичного доступа фотографии индустриальных объектов из тематических сообществ во «ВКонтакте» и Telegram. В статье мы используем подход Э. Панофски, предполагающий иконографический анализ и иконологическую интерпретацию изображений. Для понимания образов деиндустриализации немаловажно, что по сравнению с фотографиями индустриализации, которые делались в эпоху централизованного тиражирования, сегодня туристы фотографируют все и много, разделяя эти впечатления с глобальной аудиторией. Казалось бы, расширяются возможности для создания разных визуальных версий деиндустриализации, но так ли это? На этот вопрос отвечает наше исследование.

Исследования деиндустриализующихся пространств

Нас интересует деиндустриализация в качестве запечатленного процесса, то есть того, что, во-первых, ощутимо представлено в различных ландшафтах, где может оказаться человек; во-вторых, захвачено в этих ландшафтах взглядом фотографа-любителя. Чтобы точнее определить задачи и результаты нашего исследования, мы размечаем область накопленного опыта, относящегося к репрезентативно-пространственному аспекту деиндустриализации.

Закрытие заводов, уменьшение нагрузки на востребованную когда-то дорожную, трубопроводную и т.п. инфраструктуру, миграция и сжатие городов в научной литературе отразились в разнообразии понятий, которыми стали обозначать меняющиеся пространства: «пустоши» (wastelands) [Lynch, Carr, 1979], «лишние пространства» (superfluous landscapes) [Nielsen, 2002], «заброшенная земля» (derelict land) [Kivell, Hatfield, 2018], «мертвые зоны» (dead zones) [Doron, 2000], «потерянное пространство» (lost space) [Trancik, 1991], «пустующая земля» (vacant land) [Pagano, Bowman, 2000] и «неопределенные пространства» (vague spaces) [Larsen, Brandt, 2018]. Нередко используется термин «заброшка» (abounded).

В российском междисциплинарном дискурсе исследований пространства деиндустриализированные объекты обозначаются понятиями «заброшка», «руины» и «ржавый пояс». В рамках этого дискурса культуролог и историк искусства В. В. Дегтярев [Дегтярев, 2023] выявляет философский смысл разрушения и утраты, а дизайнер и культуролог Л. Ю. Салмин размышляет о диалектике общих процессов развития и стагнации «трещин», сущности красоты и уродства, предостерегая от безумия цивилизации бесшовного глянца [Салмин, 2023]. Социолог Р. Н. Абрамов предлагает типологию «заброшек» на основе различий, которые используют сами городские туристы в отношении мест их экспедиций [Абрамов, 2014]. А. А. Масленников и С. А. Тесленок рассуждают о заброшенных военных городках, обсуждая причины их запустения и картографируя их ареалы [Масленников, Тесленок, 2020]. Постоянно пополняется комплекс работ, посвященных конкретным регионам. Например, Е. С. Волкова и Ю. Н. Ковалевская рассматривают механизмы возникновения ареалов заброшенности на Дальнем Востоке в конце XX — начале XXI века [Волкова, Ковалевская, 2022]. М. В. Клиценко и Д. С. Целуйко акцентируют внимание на потенциале «заброшек» в Хабаровске, их ценностях и новых возможностях использования [Клиценко, Целуйко, 2022]. Д. С. Поликарпов с соавторами изучает функционирование заброшенного объекта внутри обычного городского пространства на примере кинотеатра «Энтузиаст» в Москве и недостроенного военного городка в Санкт-Петербурге [Поликарпов, Пустовалова, Сененко, 2023].

Отдельным направлением междисциплинарной аналитики становится репрезентационная практика совершающих походы по руинам. Стоит отметить, что туристическое фотографирование представляет собой изученное явление. В частности, О. Ю. Бойцова излагает идеи о типичных приемах фотографирования, свойственных путешественникам, что имеет значение и для нашего исследования [Бойцова, 2013: 108–120]. Р. Н. Абрамов пишет о выработанных правилах представления «заброшек» в сообществах урбекс (urban exploration; urbex), то есть о так называемой визуальной грамматике создания снимков. Согласно Абрамову, иконография — ключ к обнаружению видов заброшенных пространств [Абрамов, 2014]. Исследователи уделяют внимание и фоторепрезентациям опыта «городских туристов-разведчиков» [Шевелев, 2014; Тимофеева, 2018; Бугрова, 2022]. В. П. Чумакова рассматривает эстетизацию запустения и разрушения в вернакулярной фотографии, размещаемой в русскоязычных социальных медиа, которые создают интерактивную среду дополнения, переделки и обсуждения визуальных образов. Как и нас в настоящей статье, В. П. Чумакову интересует бытование фотографий в современных медиа, угадывание отсылок к устойчивым культурным образам, распознавание мест съемки, выполнение пользователями рисунков и коллажей, воспроизводящих клишированную эстетику захолустья [Чумакова, 2018].

Основываясь на социокультурных исследованиях опустевших территорий и их присутствия на фотоснимках, мы считаем актуальными вопросы повседневного (то есть вернакулярного/народного) кодирования

пост- и деиндустриального состояния пространства. С помощью каких приемов туристы-фотолюбители показывают нам деиндустриализующиеся места? Известный тезис о производстве пространства настраивает нас как социологов изучать способы установления отношений с пространством через его репрезентацию. В ряду этих способов присутствует и самостоятельная семантическая активность совершающих походы по заброшенным местам.

Деиндустриализующееся пространство как неопределенное пространство

Обращаясь к практике фотографирования и народному взгляду на деиндустриализующееся пространство, мы привлекаем идеи И. де Сола-Моралеса о «неопределенном пространстве» (*terrain vague*). В эссе 1995 года И. де Сола-Моралес рассматривает фотографию в качестве принципиально значимого медиума, помогающего нам воспринять «вещество» и содержание городской среды: «Технология фотографирования развивалась в унисон с ростом больших городов. Образы Парижа, Берлина, Нью-Йорка и Токио, а также обитаемых континуумов первого, второго и третьего миров вошли в нашу память и наше воображение посредством фотографии. Пейзажная фотография, аэрофотоснимки, фотографии зданий и людей, живущих в больших городах, представляют собой основной источник информации, который позволяет осознать архитектурную и человеческую реальность современного мегаполиса» [Sola Morales, 1995: 118]. То есть манипуляции с запечатленными камерой объектами — кадрирование, композиция и детализация — решающим образом повлияли на наше восприятие архитектуры и ландшафтов.

Принимая точку зрения И. де Сола-Моралеса о конструирующей роли фотографии в понимании города / архитектуры / пространства, культурный географ Э. Пинеiros сближает эти размышления с концепцией симулякра Ж. Бодрийера [Pineiros, 2016: 18]. Изображения на фотографиях способны имитировать жизненное пространство таким образом, что представляется сложным отделить посредничество от реальности. Городская улица, парк или руины, «став картинкой», выявляют, как писал Ж. Бодрийер, радикальную необъективн. Создаваемая симуляция формирует наш мысленный образ пространства и то, как мы его воспринимаем и чувствуем.

И. де Сола-Моралес констатирует появление примерно в 1970-х годах совершенно другого фототекста, направляющего наш взгляд, а именно: глаз фотографа покоряется пустым, заброшенным пространством. Это пространство исследователь обозначает французским выражением *terrain vague*, которое передает такие смыслы, как пустота, открытость, неизвестность, безымянность, переходность состояния. И. де Сола-Моралес размышляет о знаковой функции неопределенного пространства, которое, попав в кадр, транслирует изменившиеся урбанистические акценты и новые концепции города.

Изображение неопределенных, то есть оставленных людьми, заброшенных пространств играет важную роль в присвоении значения этим пространствам. Поскольку в отношении их репрезентации не ведется четкого и всеобъемлющего регулирования по сравнению с другими локусами, например, центрами городов, местами массового туризма и т.п., они открыты для тематизации посредством низовых практик различных агентов, в том числе туристов-энтузиастов. Неопределенность местности стимулирует воображение. Опираясь на этот тезис, мы анализируем фотографии «заброшки», сделанные энтузиастами походов в «неглянцевые» руинизированные места.

Методология исследования

Объектом нашего исследования выступают фотографии заброшенных, руинизированных индустриальных пространств, которым в трактовке И. де Сола-Моралеса свойственны неопределенность, открытость для наполнения смыслами. Работа с фотографиями проводилась в логике иконографическо-иконологического подхода, предложенного Э. Панофским для интерпретации изображений [Панофский, 1999]. Согласно данному подходу, «иконография — это описание и классификация образов... это... по сути своей вспомогательное исследование, результаты которого дают нам сведения о том, где и когда те или иные темы обрели зримую реальность в определенных мотивах... Иконология — это скорее синтетический, чем аналитический метод интерпретации» [Панофский, 1999: 48–49]. Наша эмпирическая работа включала следующие этапы:

- определение онлайн-ресурсов, на которых туристы-энтузиасты размещают фотографии заброшенных индустриальных мест;
- онлайн-сбор фотоданных;
- доиконографическое описание или фиксация признаков изображений — повторяющихся объектов, композиции, ракурса;
- иконографический анализ (систематизация изобразительных приемов, использованных фотографами-любителями) и иконологическая интерпретация (обсуждение смысла изображения).

Фотографии руин образуют отдельный жанр, популярный у создателей визуального сетевого контента. Например, фотохостинг Pinterest агрегирует постоянно пополняющиеся коллекции «заброшки» со всего мира. Однако тематически ориентированные фотографии концентрируются прежде всего в онлайн-сообществах «альтернативных туристов», или «городских разведчиков», как они сами себя называют. При отборе сообществ мы руководствовались следующими критериями: тематическая направленность (группа должна быть посвящена заброшенным пространствам), высокая популярность сообщества в социальной сетях (не менее тысячи подписчиков), регулярная коммуникация внутри сообщества (не менее двух постов в месяц), активность участников сообщества (лайки и репосты фотографий) и продолжительная история существования сообщества (не менее двух лет).

Отобранные для эмпирического анализа онлайн-сообщества

Наименование сообщества	Онлайн-платформа	Количество подписчиков	Ссылка
Urban Exploration	ВК	8529	https://vk.com/urban_explorations
URBAN3P [project]	ВК	14000	https://vk.com/urbantrip
Заброшенное	Telegram	29045	t.me/outciv

Сбор данных проходил осенью 2023 года как процедура просмотра ленты изображений в выбранных сообществах. В данной ситуации просматривание ленты, или скроллинг, становится визуальным онлайн-поиском, позволяющим охватить как можно больше изображений, связанных с изучаемой темой. Такая процедура входит в практику социологов в качестве эффективной и необходимой для иконологической интерпретации. Как отмечает Н. М. Сергеева, «На помощь синтетической интуиции социолога приходят поисковые системы сети Интернет. Сегодня архивы визуальных данных в сети стремительно расширяются, а значит, растут шансы результативного поиска визуальных соответствий, позволяющих как решать социологические задачи иконологической интерпретации, так и в целом проследить в изображениях типичные сюжеты, повторяющиеся символы и клише» [Сергеева, 2021: 137–138].

Хронологическая глубина нашего поиска основывалась на среднем количестве постов в месяц в сообществах. У «Urban Exploration» в среднем 6 постов, в «URBAN3P» [project] — 14, в то время как на Telegram-канале «Заброшенное» ежемесячно размещается примерно 70 постов. Исходя из объема публикаций, доступных в каждом из источников, мы просмотрели ленту сообщений в сообществах «ВКонтакте» за год с июня 2022 по июнь 2023 года, а также альбомы сообщества, закрепленные на «стене», а в Telegram — только за три летних месяца 2023 года. Можно говорить об общем примерном количестве просмотренных постов, равном 450, но количество отобранных изображений больше этого числа, поскольку один пост может включать несколько фотографий.

Мы не делали архива изображений, а просматривали ленту сообществ. Тем самым наша работа была похожа на онлайн-наблюдение за репрезентационной практикой энтузиастов «заброшки». Параллельно со скроллингом мы делали аналитические заметки, фиксируя такие признаки фотоизображений, как повторяющиеся объекты, особенности композиции (статичная или динамичная) и специфика ракурса. Фиксация признаков не предполагала их подсчета. Полевые заметки соответствовали методологии качественного подхода. Отметим также, что мы не описывали фотографии с изображением обезлюдивших деревень, дворянских усадеб, полагая, что эти сюжеты не относятся к теме деиндустриализации.

По результатам аналитических заметок мы смогли представить доиконографическое описание основных характеристик фотографий в виде схемы (рис. 1).

статичная композиция изображения

Рисунок 1. Схема изобразительных мотивов и элементов, типичных для фотографий заброшенных пространств

Схема направляет наши выводы. Во-первых, для фоторепрезентаций «заброшки» характерна статичная композиция с преобладанием вертикальных и горизонтальных линий у объектов в кадре. Во-вторых, рамочная структура схемы передает сочетание общих и частных изобразительных мотивов и элементов, которые включают фотографии «заброшки». Соответственно, исследователи (и мы в том числе) сначала наблюдают, фиксируют и классифицируют то, что изображено. Затем зафиксированное описывается с учетом исторических «корней» и особенностей бытования изображений в культуре, это и есть этап иконографии. После чего решается задача иконологического заключения, представляющего выводы о передаваемых изображениями смыслах и о циркуляции этих смыслов.

Технологии создания изображений — от карандаша до цифровых камер — через особенности своего устройства предписывают варианты пользовательских действий. Вездесущность и доступность съемки и легкость публикации приводят к тому, что современный опыт путешествий неразрывно связан с фотографированием. Для туристов и поисковиков, проводящих разведку в труднодоступных и необычных местах, фото- и видеоматериалы имеют статус отчетов, которые квалифицируют уровень их навыков как первооткрывателей. Недаром в некоторых сообществах вход в состав участников происходит через предоставление результатов съемок, и это оценивается голосованием. Путешественник в труднодоступные, покинутые места является зрителем. Мы отмечаем включенность технологии в придание смысла социальным группам, использующим данные технологии. В итоге разведка пустующих пространств создает поток репрезентаций и формирует народную политику взгляда, выделяющую «заброшенное» по отношению к другому пространству.

Результаты исследования и дискуссия

Переставшие использоваться здания и инфраструктура исключены из обычных городских практик, а значит, по мнению И. де Сола-Моралеса, открыты для какого-то иного определения. Энтузиасты «городской разведки» видят в этих местах альтернативную среду. Соответственно, для понимания практики означивания важно ответить на вопрос: как и с помощью каких

изобразительных приемов придается значение инаковости и альтернативности оставленного пространства?

Донесение до зрителей идеи заброшенности начинается с композиции фотографии. Статичность мира в фотокадре создается доминированием вертикальных и горизонтальных линий, иногда — симметрией линий и объектов. Фотографии с панорамным видом зданий в ландшафте либо с изображением цеха или бывших жилых помещений обязательно изобилуют линейными формами, поддерживающими концепцию неподвижности. Фотографии композиционно передают остановку жизненных процессов.

Для иконографии фотографического опыта туристов, посещающих заброшенные индустриальные места, характерны: 1) отсутствие человека; 2) изображение буйства растительности или агентности природы; 3) репрезентация вещей и текстов прошлого или визуализация агентности материальных объектов. Каждый из этих воспроизводимых, повторяющихся сюжетов можно разложить на более частные элементы, к которым относятся, например, ржавчина, плесень, мох, поврежденные стены, окна и т.д. Однако мы делаем иконологическую интерпретацию, фокусируясь не на частных, а на трех основных наблюдаемых нами характеристиках данных фотографий.

Отсутствие человека

Особое значение образам пустого пространства на фотографиях придается с момента ее появления. Как пишет искусствовед Е. В. Васильева, фотографирование архитектуры и природы без людей легитимировало художественные претензии фотографии, поскольку тем самым приближало ее к стандартам пейзажной живописи. Кроме того, «эффект пустоты» создает дистанцию между повседневностью, обыденным «людским» порядком и удивительным другим миром [Васильева, 2019: 69, 79]. Поэтому, с одной стороны, и для современных фотографов-любителей заброшенных мест принципиальным определением инаковости запечатлеваемой среды является отсутствие в ней человека. С другой стороны, избегание «портретов на фоне» представляет собой попытку отделить свой опыт от банализированной туристической фотографии.

При изучении любительской фотографии антрополог О. Ю. Бойцова констатирует ключевую характеристику фотографий, сделанных путешественниками, — присутствие человека на фоне посещаемого места. Через включение себя в кадр рядом с достопримечательностью происходит, по мнению Бойцовой, туристическое потребление [Бойцова, 2013: 109]. Связь с местом, в котором ты побывал, становится явной при позировании «внутри» ландшафта. Но путешествие к руинизированным местам демонстрирует иную иконографию, а именно — отсутствие человека-персонажа (рис. 2). Помимо дистанцирования от тривиальности массовой туристической фотографии такой способ фотографирования приближается к исследовательским фотографиям, когда необходимо представить находку и ее состояние. Находкой в данном случае является пустота, утрата, а также человеческий след с почти забытыми артефактами. Изображения не фиксируют жизнь

как действие, а наталкивают на размышления о пространствах, где жизнь разворачивалась. Из этого наблюдения следов и последствий возникают маргинальные эстетика и поэтика, намекающие на потенциальную красоту самых неожиданных мест.

Рисунок 2. Фотография заброшенного пространства без человека
Источник: сообщество "Urban3p" (публикуется с разрешения автора)¹

Буйство растительности или агентность природы

Согласно традиционному анализу руин, разрушающаяся каменная кладка напоминает о течении времени и эфемерности культуры перед лицом вторжения природы [Зиммель, 1996: 228]. Насколько тщательно объектив фотографа «заброшки» следит за уменьшением человеческого присутствия, настолько воодушевленно он документирует рост мхов, трав, деревьев (рис. 3). Природа берет верх, показывая свою агентность в заполнении оставленных человеком пространств. Обезлюдивший мир наполняется зеленью, и мы часто видим «пустые, проросшие как зерна дома» [Толстая, 2014: 157].

Сюжет с буйной растительностью воспроизводит клишированную оппозицию техники и природы, свойственную мировоззрению общества модерна. Промышленная революция и урбанизация сформировали в западной культуре институцию управляемой городской «зеленой инфраструктуры», поэтому городское сжатие типично видится как то, что влечет всплеск природного.

¹ Мы благодарим Алексея Самошкина за разрешение использовать эту фотографию в настоящей публикации.

Сегодня в популярной культуре циркулируют как позитивные, так и негативные образы «дикой природы». Позитивный образ в значительной степени связан с эпохой романтизма рубежа XVIII–XIX веков, идеализировавшей естественные стихии, на которые тогда только началось воздействие производственной деятельности человека индустриальной эпохи. Между тем образ природы в качестве опасного «инога» архетипически укоренен в культуре человечества и проявляется в разные периоды в элементах картины мира. Вспомним, например, фольклорные мотивы дикого леса — если не как источника страха, то как зоны иночеловеческого. Столь понятные нам экологические идеи заботы и охраны, а не противостояния, стали продолжением современных представлений о природе «как мастерской»: стихия расколдована и требует ответственного отношения к себе. Наконец, в литературной и кинофантастике, откликающейся на философские повороты, в частности на обсуждаемый в наши дни онтологический поворот, создаются агенты, обладающие «чужой феноменологией». Иногда это могут быть расы разумных растений, например триффиды из романа и фильмов «День триффидов». Нам представляется важным влияние популярной культуры на то, что альтернативность заброшенных мест показывается как мир за пределами мира людей через фотографическое наблюдение за агентностью растений.

Рисунок 3. Фотография деиндустриального места и природы
Источник: сообщество "Urban Exploration" (публикуется с разрешения автора)²

² Мы благодарим Алексея Аригато за разрешение использовать эту фотографию в настоящей публикации.

Стихия природы имеет очень разные смыслы: она может быть источником страха, но также умиротворения и романтической красоты, она может воплощать «чужую феноменологию», что и характеризует народную политику взгляда на индустриальную «заброшку».

Вещи и тексты прошлого, или агентность материальных объектов

Туристы-энтузиасты «заброшки» создают портреты старых вещей. Взгляд фотографов «заброшки» постоянно сосредотачивается на материальной среде, превращая, казалось бы, ненужные вещи в экспонаты. Оставленные индустриальные пространства функционируют как музеи: в них можно найти удивительные вещи прошлого — старые машины и механизмы, лабораторную посуду, пропагандистские лозунги, товарные накладные и путевые листы. Все они фиксируют утраченные социальные отношения, разворачивавшиеся на этой арене, хранящей память о профессиональных общностях и социальных ролях, которые выполняли работавшие здесь люди. Человеческое тело как призрак здесь также присутствует: все объекты демонстрируют тот факт, что с ними обращались, использовали и в конечном счете уничтожали человеческие руки.

Особыми экспонатами, попадающими в кадр городских разведчиков, являются тексты лозунгов, школьные тетради, квитанции, справки, школьные аттестаты, которые хранят память об особенностях письменной культуры прошлого. Изобразительный прием соединения руин и слов, пришедших из прошлого, также укоренен и имеет иконографическую традицию. На граффитях Рима Дж. Б. Пиранези можно увидеть слова, обращенные к римским гражданам, сохранившиеся на древних зданиях, арках и постаментах. Надписи, ставшие историей, если мы их можем прочесть, направляют наше понимание ушедшей эпохи. Слова «ударники коммунистического труда» и «доска почета», найденные в аутентичном интерьере, точнее передают знание о советских ритуалах.

Народная политика взгляда как повторение шаблонов

Наше исследование образов деиндустриализации, которые создаются и транслируются через социальные медиа, обнаруживает несвободу взгляда при всех социотехнических возможностях фотографа, снимающего вне давления редакционных рамок и снабженного персональным гаджетом. Обезлюдившие неопределенные пространства, названные так И. де Сола-Моралесом, включены в процессы означивания и репрезентации. Возможно, такие места остаются без регулярной управленческой кодификации, но существуют социальные группы, заинтересованные в том, чтобы их увидеть и определить. Городские разведчики и энтузиасты походов в руинизированные места воодушевлены инаковостью и непохожестью «выпавшего из определения» пространства. Их иконография всячески подчеркивает другой мир «заброшки», но эта иконография имеет устойчивые культурные формы.

Широко признано, что руины создают мощный символический резонанс в силу своей индексальной связи с крупными, формирующими мир историческими силами. Полуразрушенные здания и ржавеющие промышленные сооружения по всему миру демонстрируют превратности экономических циклов и их социальные последствия, однако не ограничиваются только этим. Разнообразие символических значений поломок и трещин основано на приучении зрителей к визуальной риторике руин, набору общих трактовок, которые опираются на фундамент, состоящий из обширного репертуара живописи, кинематографа, видеоигр (рис. 4, 5 и 6).

В итоге неопределенное пространство деиндустриализированных объектов «определяется» шаблонно, на основе ряда иконографических элементов. Фотограф-любитель создает сообщение о заброшенном пространстве в соответствии с устоявшейся визуальной грамматикой, на которую повлияли популярные произведения о посткатастрофических мирах. Пример широко известной в постсоветских странах игры S.T.A.L.K.E.R. хорошо демонстрирует закономерности современной конвергентной культуры: фанатские видео, снятые в «заброшках», ссылаются на локации игры (рис. 5).

Рисунок 4. Скриншот

Источник: фильм «Сталкер» (реж. А. Тарковский, 1979 год)

Народная или низовая политика взгляда, применяемая к местам деиндустриализации, обусловлена медийными шаблонами. Она направлена на то, чтобы свидетельствовать и интерпретировать тектонические сдвиги в социальной жизни.

Рисунок 5. Скриншот
Источник: видеоигра S.T.A.L.K.E.R. (GSC Game World, 2007 год)

Рисунок 6. Скриншот
Источник: фильм «Я-Легенда» (реж. Ф. Лоуренс, 2007 год)

Заключение

Политико-экономические изменения, обозначаемые понятием «деиндустриализация», имеют визуальное воплощение. Мы наблюдаем (иногда в черте городов, иногда за их пределами) опустевшие здания и пространства, но нам также доступны их репрезентации. Одна из репрезентационных практик воспроизводится группами туристов-энтузиастов или городских разведчиков, посещающими руинизированные места. Такие путешественники создают фото и видео и делятся этим материалом в онлайн-сообществах. Их деятельность отражает «народную политику взгляда», применяемую к деиндустриализующимся местам. В статье мы определили народную политику взгляда как означивание и наделение смыслом заброшенных и руинизированных мест туристами-энтузиастами посредством их внесения в фотокадр.

Современный путешественник, или фланер, является своего рода «генератором» онлайн-контента. Погружение в поток фотографий в онлайн-среде позволяет говорить об «обратной логике» в политике взгляда туристов или городских разведчиков: если обычный путешественник делает фотографии «я на фоне», то фотографии деиндустриализующихся мест концентрируются на отсутствии человека и буйстве растительности, замещении человека природой. Типичны также музеефикация артефактов, фотографирование вещей (агрегатов, механизмов и т.п.) и текстов (лозунгов, документов) прошлого без людей. Такая иконография служит смысловой цели передать альтернативность, инаковость пространства, которое больше не используется человеком.

Наше исследование показало, что «прочтение» конкретного места или объекта как руин требует согласования с уже существующим дискурсом о руинах. Другими словами, деиндустриализированные пространства и объекты должны быть представлены в образной форме «катастрофической иконографии». Они должны следовать определенной визуальной грамматике, что объясняет мимирию современных изображений заброшенных пространств, представленных в фильмах, видеоиграх и в подборках фотографий на сайтах по всему миру.

Фотографии представляют собой способ объяснения и переозначивания пространства и пространственного опыта. Кроме того, фотография передает не только и не столько фактические характеристики изображаемых объектов, благодаря которым мы можем составить представление о них, но также и аффекты, переживания от опыта их посещения. Фотография становится средством, с помощью которого мы формируем ценностные суждения об увиденных местах.

Литература / References

Абрамов Р. Н. «Забутые в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях / Под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 231–255. EDN: [RWRQHZ](#)

Abramov R. N. (2014) "Zabytye v proshlom": osvoenie zabroshennykh prostranstv i fenomen novogo gorodskogo turizma ["Forgotten in the Past": The Development of Abandoned Spaces

and the Phenomenon of New Urban Tourism]. In: O. Brednikova, O. Zaporozhec (eds.) *Mikrourbanizm. Gorod v detalyah* [Microurbanism. City in Details]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 231–255. (In Russ.)

Бугрова Е. Д. Индустриальные руины: эстетика modern decay и туризм // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2022. № 3. С. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.54347/Lab.2022.3.2> EDN: QOIEJE

Bugrova E. D. (2022) Industrial Ruins: Modern Decay and Tourism. *Labyrinth: Teorii i praktiki kultury* [Labyrinth: Theories and Practices of Culture]. No. 3. P. 16–23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.54347/Lab.2022.3.2>

Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. EDN: XMMYYF

Boitsova O. Yu. (2013) *Lyubitelskie foto: vizualnaya kultura povsednevnosti* [Amateur Photos: the Visual Culture of Everyday Life]. St. Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Васильева Е. В. Ранняя городская фотография: к проблеме иконографии пространства // *Международный журнал исследований культуры*. 2019. № 4. С. 65–86 DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2019-00052> EDN: TWUUJE

Vasilyeva E. V. (2019) Early City Photography: to the Question of the Iconography of Space. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research]. No. 4. P. 65–86. DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2019-00052>

Волкова Е. С., Ковалевская Ю. Н. Руины на постсоветском Дальнем Востоке: «созидательное разрушение» или «медленное насилие»? // *Известия Восточного института*. 2022. № 1. С. 78–90. DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/78-90>

Volkova E. S., Kovalevskaya Yu. N. (2022) Ruins in the Post-Soviet Far East: “Creative Destruction” or “Slow Violence”? *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal]. No. 1. P. 78–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/78-90>

Дегтярев В. В. Память и забвение руин. М.: НЛО, 2023.

Degtyarev V. V. (2023) *Pamyat i zabvenie ruin* [The Memory and Oblivion of Ruins]. Moscow: NLO. (In Russ.)

Зиммель Г. Руина // *Избранное*. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 227–233.

Simmel G. (1996) *Ruina* [Ruin]. In: *Izbrannoe*. T. 2. Sozercanie zhizni [Selected Works. Vol. 2. Contemplation of Life]. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Клиценко М. В., Целуйко Д. С. «Заброшки» города Хабаровска в структуре городского пространства // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. № 3. С. 100–113 DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/100-113>

Klitsenko M. V., Tseluiko D. S. (2022) Khabarovsk Abandoned Buildings in Urban Space Structure. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. No. 3. P. 100–113. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/100-113>

Масленников А. А., Тесленок С. А. Классификация, характеристика и картографирование заброшенных военных городков // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2020. № 1. С. 72–76. EDN: NGZDWI

Maslennikov A. A., Teslenok S. A. (2020) Classification, Characterization, and Mapping of Abandoned Military Towns. *Aktualnye problemy gumanitarnyh i socialno-ekonomicheskikh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences]. No. 1. P. 72–76. (In Russ.)

Пановский Э. Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса // *Смысл и толкование изобразительного искусства*. СПб.: Академический Проект, 1999. С. 43–57.

Panofskij E. (1999) *Ikonografiya i ikonologiya: vvedenie v izuchenie iskusstva Renessansa* [Studies in Iconology Humanistic Themes in the Art of the Renaissance]. In: *Smysl i tolkovanie izobrazitelnogo iskusstva* [Meaning in the Visual Arts]. St. Petersburg: Akademicheskij Proekt. P. 43–57. (In Russ.)

Поликарпов Д. С., Пустовалова С. Ю., Сененко М. С. Городские руины: визуальность социальных смыслов // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15. № 3. С. 92–111 DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.6> EDN: RDSQIU

Polikarpov D.S., Pustovalova S. Yu., Senenko M.S. (2023) Urban Ruins: Visuality of Social Meanings. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 15. No. 3. P. 92–111. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.6>

Салмин Л. Ю. Апология трещины // Проект байкал. 2023. № 74. С. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.51461/pb.74.21>

Salmin L. Yu. (2023) The Anthropology of The Crack. *Proekt Bajkal* [Project Baikal]. No. 74. P. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.51461/pb.74.21>

Сергеева Н. М. Визуальный онлайн-поиск как инструмент иконографического визуального исследования в социологии // Человек в информационном обществе. С.: Издательство Самарского университета, 2021. С. 135–138. EDN: NUFKHN

Sergeeva N.M. (2021) Vizualnyj onlajn-poisk kak instrument ikonograficheskogo vizualnogo issledovaniya v sociologii [Visual Online Search as a Tool of Iconographic Visual Research in Sociology]. In: *Chelovek v informacionnom obshhestve* [Person in Information Society]. Samara: Izdatelstvo Samarskogo Universiteta. P. 135–138. (In Russ.)

Тимофеева С. О. Архитектурные руины как объект туризма // Туризм: технологии & тренды. Е.: Издательство Уральского университета, 2018. С. 229–235.

Timofeeva S.O. (2018) Arhitekturnye ruiny kak obekt turizma [Architectural Ruins as an Object of Tourism]. *Turizm: tehnologii & trendy*. [Tourism: Technologies & Trends]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo Universiteta. P. 229–235. (In Russ.)

Толстая Т. Н. Легкие миры. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014.

Tolstaya T.N. (2014) *Legkie miry* [Light Worlds]. Moscow: AST: Redakciya Eleny Shubinoi. (In Russ.)

Чумакова В. П. Эстетика руин в вернакулярной фотографии русскоязычных социальных медиа: постановка проблемы исследования // Наука телевидения. 2018. Т. 14. № 3. С. 74–90. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-74-90> EDN: YNGMOD

Chumakova V.P. (2018) The Aesthetics of Ruins in Vernacular Photography in Russian Social Media: Stating the Research Problem. *Nauka televideniya* [The Art and Science of Television]. Vol. 14. No. 3. P. 74–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-74-90>

Шевелев Е. Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств // Микроурбанизм. Город в деталях / Под ред. О. Бредникова, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 42–63.

Shevelev E. (2014) Gorod (bez) cheloveka: praktiki osvoeniya pustyy i zabroshennyh prostranstv [A City (without) a Person: Practices for the Development of Empty and Abandoned Spaces]. In: O. Brednikova, O. Zaporozhecz (eds.) *Mikrourbanizm. Gorod v detalyah* [Microurbanism. City in Details]. Moscow: Nvoe literaturnoe obozrenie. P. 42–63. (In Russ.)

Burtynsky E. (2005) *China*. Göttingen: Steidl.

Doron G.M. (2000) The Dead Zone and the Architecture of Transgression. *City*. Vol. 4. No. 2. P. 247–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604810050147857>

Garrett B.L. (2010). Urban Explorers: Quests for Myth, Mystery and Meaning. *Geography Compass*. Vol. 4. No. 10. P. 1448–1461. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-8198.2010.00389.x>

Huysen A. (2006) Nostalgia for Ruins. *Grey room*. No. 23. P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.1162/grey.2006.1.23.6>

Kivell P., Hatfield S. (2018) Derelict Land — Some Positive Perspectives. *Environment, Planning and Land Use*. London: Routledge. P. 118–129. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9780429457807-9>

Lam T. (2013) *Abandoned Futures: A Journey to the Posthuman World*. London: Carpet Bombing Culture.

Larsen J.L., Brandt J. (2018) Critique, Creativity and the Co-Optation of the Urban: A Case of Blind Fields and Vague Spaces in Lefebvre, Copenhagen and Current Perceptions of the Urban. *Urban Planning*. Vol. 3. No. 3. P. 52–69. DOI: <https://doi.org/10.17645/up.v3i3.1394>

Lynch K., Carr S. (1979) Open Space: Freedom and Control. *City Sense and City Design*. Cambridge; London: The MIT Press. P. 413–417.

Nielsen T. (2002) The Return of the Excessive: Superfluous Landscapes. *Space and Culture*. Vol. 5. No. 1. P. 53–62. DOI: <https://doi.org/10.1177/1206331202005001006>

Pagano M. A., Bowman A.O'M. (2000) *Vacant Land in Cities: An Urban Resource*. Washington: Center on Urban and Metropolitan Policy.

Pineiros E. (2016) *Terrain Vague and the Urban Imagery*. Nottingham: University of Nottingham.

Sola Morales De I. (1995) Terrain vague. *AnyPlace*. Cambridge: MIT Press. P. 118–123.

Trancik R. (1991) *Finding Lost Space: Theories of Urban Design*. Hoboken: John Wiley & Sons.

Vergara C.J. (1999) *American Ruins*. New York: Monacelli Press.

Сведения об авторах:

Сергеева Ольга Вячеславовна — доктор социологических наук, доцент, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** o.v.sergeeva@spbu.ru. **РИНЦ Author ID:** 433656; **ORCID ID:** 0000-0002-8093-609X; **ResearcherID:** C-2692-2016.

Недосека Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** nedelena@socinst.ru. **РИНЦ Author ID:** 664872; **ORCID ID:** 0000-0003-1944-0367; **ResearcherID:** AEJ-0997-2022.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2024

Принята к публикации: 16.07.2024

БАК: 5.4.4., 5.4.6

Visual Representations of Abandoned Industrial Spaces in Tourist Photos

DOI: 10.19181/inter.2024.16.3.3

Olga V. Sergeeva *St. Petersburg State University; Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia*
E-mail: o.v.sergeeva@spbu.ru

Elena V. Nedoseka *Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia*
E-mail: nedelena@socinst.ru

A few decades ago, an enthusiastic researcher would have found relatively few data to analyze, looking for such information about the ruins of modernity as the structural consequences caused by rapid cycles of industrialization and desolation, development and depopulation, conflict and reconciliation. However, conducting the same search today reveals an extraordinary increase in academic and public interest in the ruins of the recent past and the associated abandoned places.

The authors of this article join in the discussion and explore the images of deindustrialization posted and distributed in the online communities among abandoned sites enthusiasts. The aim of the research is to form an idea of “everyday life policy” about the abandoned industrial facilities popularized by amateur photographers. “Everyday life policy” is expressed through the signifying and conceptualizing the abandoned and ruined places when putting them in a close-up. The authors rely on the ideas of the architect and historian I. de Sola-Morales, who calls the places left by people “terrain vague”. Photographic images of the terrain vague spaces play an important role in conceptualizing them. In order to understand what meanings exactly shaped the public policy, the authors use the ethnographic method of immersion in the online VKontakte/Telegram communities of abandoned sites enthusiasts to discover the recurring iconographic elements of the derelict places. Deindustrialization in photographs is reflected through 1) loss of human; 2) violence of vegetation or nature agency; 3) artifacts and texts of the past or material objects agency. The authors discuss the similarities of the images taken by amateur photographers and those media clichés found in popular movies and video games. Photographs are a way of explaining space and spatial experience. Furthermore, like any other work of art, a photo conveys not only and not so much the actual characteristics of the depicted objects, thanks to which we can form an idea about them (in this case, about space), but also effects and experiences. Thus, a photograph becomes a tool that helps us form value judgments about the places we have seen.

Keywords: deindustrialization; ruins; terrain vague; industrial tourism; representation; visual clichés; photography; iconography

Authors Bio:

Olga V. Sergeeva — Doctor of Sociology, Associate Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University; Leading Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** o.v.sergeeva@spbu.ru. **RSCI Author ID:** 433656; **ORCID ID:** 0000-0002-8093-609X; **ResearcherID:** C-2692-2016.

Elena V. Nedoseka — Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Peterburg, Russia. **E-mail:** nedelena@socinst.ru. **RSCI Author ID:** 664872; **ORCID ID:** 0000-0003-1944-0367; **ResearcherID:** AEJ-0997-2022.

Received: 30.03.2024

Accepted: 16.07.2024